

Максим
Замшев

Максим
Замшев

Весна
для репортера



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
З-26

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Оформление — *Екатерина Фerez*

Замшев, Максим.

З-26 Весна для репортера : [роман] / Максим Замшев. —
Москва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (Геомет-
рия любви).

ISBN 978-5-17-101025-6

Московского журналиста Юрия Громова в Киеве ждет не только встреча с загадочным информатором, владеющим сведениями о подлинных причинах конфликта на Украине, но и безумная запретная любовь.

Как распутать этот остросюжетный клубок? Справится ли герой с нахлынувшими на него катаклизмами? Об этом новый роман Максима Замшева «Весна для репортера».

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-101025-6

© М. Замшев, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

* * *

— А ты никогда не думал, почему утро считается началом дня? — Она оторвала голову от подушки, приподнялась на локте и, настороженно поглядывая на меня, прочертила указательным пальцем на моем лбу неровную линию. — А? Ты же у нас умный?

— Нет, не думал. Так повелось. И все этим довольны. — Я не любил этих бессмысленных разговоров, но всегда почему-то ввязывался в них.

В окно заползал слабый, но уже не безнадежный свет, какой бывает только в апреле.

— А ты доволен? — Она изображала, что не замечает мое нежелание продолжать в таком тоне.

— Ну что за глупости ты спрашиваешь? Я-то здесь при чем? — Я слегка повысил голос.

— Ты меня не любишь. — Лицо ее омрачилось.

— Не говори так. — Мне не привыкать бороться с ее дурным настроением, которое время от времени находит на нее.

— Что хочу, то и говорю. — Она сжала губы так картинно и сильно, что они как будто смялись.

— Ладно. Я с этим не спорю.

— С чем?

— С тем, что ты можешь говорить то, что хочешь. — Я сохранял спокойствие.

— Это отчего же?

— Потому что мне это не интересно.

— Что не интересно?

— Спорить с тобой. — Я не удержался от примирительной улыбки.

— А мне интересно.

— Хорошо, давай поспорим.

Я коснулся губами ее уха, потом шеи, потом подбородка. Похоже, она хотела этого в данную минуту сильнее всего остального.

Несмотря на то что я старше ее почти на двенадцать лет, мы прекрасно ладим. Ее зовут Лариса, а меня — Юрий. Мы вместе уже два года. Я работаю на телевидении, а она в парикмахерской. То, что она якобы девушка не из моего круга, меня не смущает. Попросту, мне на это наплевать. С ней мне намного интереснее, чем с другими. Она заполняет мой мир почти целиком, и с каждым днем я все больше ощущаю необходимость в ней. Хотя, положив руку на сердце, я не такой уж привязывающийся к людям человек и всегда с болезненным рвением охранял свое личное пространство. Рядом с Ларисой в этом отпала нужда.

Она — первая встреченная мной в жизни девушка, в которой меня ничего не раздражает, а ее милые чудачества, вроде таких разговоров, как сегодня утром, я готов выносить терпеливо и не без удовольствия. Когда я просыпаюсь в ее постели, осознаю себя вполне счастливым и удачливым молодым человеком. Возможно, в юности я грезил о другой любви. Но кто о ней не грезил? Много ли тех, у кого такие мечты сбылись? Мы с Ларисой проросли друг в друга и не нанесли серьезных повреждений. По мне, это надеж-

ней и лучше разного рода сумасшествий и умопомрачений. Долго ли так будет? Надеюсь, что да. Хотя будущего не знает никто. Всякое может произойти. Мой отец любит повторять: Господь никому не дает непосильного креста.

Я никогда не имел проблем с женщинами и не страдал от отсутствия взаимности. Бывало, кем-то увлекался достаточно серьезно, но ни к кому я так не привыкал, как к Ларисе. Это то, что мне надо. Моя женщина.

При всем том не скажу, что она во всем солидарна со мной. Строптивности и упертости в ней хоть отбавляй. Особенно в том, что касается политики. Но наши разногласия, подчас весьма яростные, — всего лишь пикантная приправа к общей гармонии.

Сейчас между нами частенько разгораются довольно эмоциональные диспуты по поводу ситуации на Украине. Не скрою, меня немного беспокоит, что ее зависимость от либеральных блогеров в последние месяцы превысила все допустимые нормы. Она с завидным упрямством, по поводу и без повода транслирует, что нам, то есть русским, не надо было лезть в дела чужой страны. Меня подобная точка зрения возмущает, и я в красках, пользуясь сведениями наших СМИ, описываю ей зверства «майданутих», то, как они издевались над журналистами, избивали милиционеров, бесчинствовали на улицах, мародерствовали; она же парирует тем, что «беркутовцы» тоже хороши и по части попыток сто очков вперед дадут кому угодно, и, конечно же, как пример приводит раздетого украинскими правоохранителями пару месяцев назад усатого парубка Гаврилюка. Приходится признать, что она сильнее верит в свою правоту, чем я. Плюс ко всему я заранее

ей прощаю эти креативные глупости, поскольку все же придерживаюсь мнения, что она скорее отдает дань некой неформальной моде, чем действительно заражена «роевропейским бредом». Она же, как я подмечаю, не теряет надежды перетянуть меня на свою сторону. Чуть тревожно, что в этом году политические страсти в нашем уютном мирке прорастают с неудержимостью нахальных сорняков, но, слава богу, у нас пока еще имеется много занятий. И они гораздо более приятные и увлекательные.

Я догадываюсь по звону посуды, что Ларкина мама хлопочет на кухне. Если выйду из комнаты Ларисы и попадусь ей на глаза, она наверняка предложит позавтракать. Наслаждаться утренней трапезой нам придется вдвоем. У Ларисы сегодня выходной, и она непременно захочет еще понежиться в кровати, а отец моей возлюбленной отбыл на работу час назад. Я слышал, как он с особой, нарочитой отчетливостью проводил ключ в замке. Лара как-то рассказала мне, что ее отец пару раз забывал закрывать дверь в квартиру, за что получал изрядную порцию критики, и теперь перманентно старается убедить домашних в своей аккуратности.

Родители моей девушки хоть и были, как говорится, людьми «старорежимными», тем не менее с первого моего прихода не возражали против того, чтобы я остался на ночь. Они сразу же окружили меня заботой, уверенно, хоть и не без осторожности, поднимая мой статус от приятного молодого человека до перспективного жениха. Когда же претендент на роль тестя выяснил, к своей неопишуемой радости, что мы боеем за одну футболъ-

ную команду, а потенциальной теще удалось удостоверитья в моей московской прописке, я стал для них, что называется, «в самый раз». Они были простыми, добрыми, достаточно ясными для меня людьми, прожившими свою жизнь так, как сумели. Совсем недавно с отцом Ларисы мы провели несколько незабываемых вечеров у телевизора в яростном совместном боении за наших олимпийцев. Ох, каким был финиш лыжника Легкова! До сих пор мурашки по коже...

Лариса между тем характером не походила ни на отца, ни на мать. Обычную житейскую логику в ней заменяла какая-то другая, порой необъяснимая. Меня, например, поражало, что Лара, окончив школу с отличием, не пробовала никуда поступать, а пошла на курсы парикмахеров и устроилась в обычную цирюльню. И все пять лет, что она там проторчала, ей ни разу не пришло в голову что-то изменить в своей жизни. Когда я заводил разговор на эту тему, она удивленно поднимала брови и лепетала: «Ну, у меня же есть ты. Зачем мне что-то еще? К парикмахерской я привыкла. Там работают славные девочки. У меня много клиентов. Если станешь знаменитым и разбогатеешь, ты же дашь мне деньги на собственный салон? Да?» Я послушно кивал, хотя совершенно не представлял, каким образом я зарабатываю столько денег.

Я знал, что она крайне негативно относится к деятельности моего отца, но из уважения ко мне никогда не подчеркивает этого. А при встречах, сравнительно нечастых, общается с ним очень любезно. Отец, скорей всего, не в курсе, с какой ярой «сторонницей либеральных ценностей» связался его сын.

Надеюсь, Лариса скоро многое пересмотрит...

— Кто-то, кажется, собирался вставать... — Она сладко потянулась, слегка задев меня плечиком. — Тебе ведь скоро идти на свое телевидение? Так?

— Ты как всегда права. Сейчас встаю. Тебе хорошо было?

— Не надоело спрашивать одно и то же?

— Не надоело. Отвечай!

— Хорошо, конечно. Сам не видел?

— Ну, я так. Для уверенности. — Я нашел ее руку, положил себе на грудь.

«Эх. Не ходить бы никуда, а пролежать целый день в постели рядом с ней».

— Почему у нас выходные так редко совпадают? — Лариса прочитала мои мысли. — Неужели ты не можешь попросить поставить твои смены так, чтобы мы почаще бывали вместе?

— По-моему, мы очень много времени проводим вместе.

— Это по-твоему. — Лариса опять надулась.

— Не начинай. Я же не сам составляю себе график. Приходится мириться с тем, что есть.

— С тобой невозможно, — выдохнула она разочарованно. — Ладно. Иди. А я воспользуюсь законным выходным и посплю еще, раз ты так бессовестно меня оставляешь.

Я спустил ноги с кровати, нащупал тапочки и отправился в ванную смывать с себя последние остатки сна. Душ и бритье взбудрили меня. Когда я вышел, мне показалось, что в квартире очень холодно. Даже мурашки поползли по спине.

— Юра, вы сегодня чай или кофе? — Это мама Ларисы, Марина Александровна. Голос у нее ровный

и приветливый, почти стерильный. — Я погладила вам рубашку и брюки. Они в гостиной, на вешалке.

Привычная, ничего не значащая добропорядочная вежливость. Чем люди старше, тем легче им скрывать свои чувства. Наверное, потому что чувства уже не такие сильные.

— Доброе утро, Марина Александровна. Вкусно пахнет. — Я демонстративно втягиваю воздух. Заинтересованно улыбаюсь. Роль почти родственника меня давно уже не тяготит. Доля лицемерия в наших с ней отношениях не так уж и велика, чтобы раздражаться и что-то стремиться изменить.

— Доброе, доброе. У вас усталый вид. Работа отбирает много сил? Сейчас ведь такое творится с этой Украиной! Просто страх. Жили себе, жили спокойно. И тут такое! Не высypаетесь?

— Да как будто выпался. — Я понимал, что к моему виду ее речи не имеют ни малейшего отношения.

— И сколько же спали, если не секрет? — Она ловко, одним движением сняла яичницу с потрескивающей сковородки и положила в мою тарелку. Поджаренная яичная масса издала еле слышной шлепок. Марина Александровна стойко верна заблуждению, что утром мужчины предпочитают яичницу всему остальному, и готовя ее утром, женщины как будто немного им угрождают.

— Часов пять или что-то около того...

Какое ей по большому счету делу, сколько я спал?

— Мм... — Она сокрушенно покачала головой. — Маловато. Вам надо себя беречь. Пейте, пейте кофе. Я сварю еще. — Мне стало немного не по себе оттого, как она пристально меня разглядывает. — Вы знаете,

я раньше как-то нечасто смотрела ваш канал, а теперь пристрастилась. Мне очень нравится. Вы такие молодцы! Так много интересного.

— От меня не так уж и много зависит. Я обычный редактор новостей. Политику канала формируют совсем другие люди.

— Не скромничайте. — Она улыбнулась почти заговорщицки и встала со стула, чтобы заняться приготовлением второй порции кофе, о которой я ее, между прочим, не просил.

— Я удивляюсь, — она сделала огонь в конфорке совсем слабым, — неужели вам никогда не предлагали работать в эфире? Вы ведь такой фотогеничный! И голос у вас приятный! Думаю, вы бы очень хорошо вписались.

Зачем она это затевает? Не терпится огорошить приятельниц известием, что жениха ее дочери показывают по телевизору? Но я не раз говорил при ней, что совершенно не рвусь в кадр. И щенячьего восторга от причастности к нашему ТВ не испытываю. Не говоря уже о том, что редактор и ведущий — два совершенно разных вида деятельности. Ведущий все время исполняет чью-то волю — продюсеров, начальства, владельцев канала, потенциальной аудитории, вечно подстраивается под прихоти формата и конъюнктуру. Редакторам в этом плане легче. Особенно редакторам новостей. Новость она и есть новость. Отработал смену — и гуляй. Главное, не терять внимания и исполнять все профессионально. Страна тебя не видит, не знает и знать не хочет. А вот тем, кто без конца в кадре, не позавидуешь. Эти несчастные почти не принадлежат сами себе и, постоянно высказывая чужое мнение, перестают в итоге иметь свое. Чужие мнения все вытесняют. Самое любопыт-

ное, что у многих из них происходит такая диковинная оборотня, что им кажется, будто они высказываются от себя. Мне это ни к чему. Публичность меня не привлекает. И та ответственность и нервозность, которые ей обязательно сопутствуют. Мне достаточно наблюдений за отцом, много лет томящемся в тисках бесконечных обязательств и фактически не имеющем возможности вырваться из круга воззрений своих политических единомышленников. НЕ хочу я всей этой кутерьмы. Мне и так хорошо. Меня устраивает то, что у меня есть, и я не жажду что-либо менять. Как это объяснить немолодой уже женщине, ни секунды не сомневающейся в том, что попасть в экран телевизора это мечта каждого человека? И стоит ли объяснять?

— Меня все устраивает пока. Всеу свое время, — отвечаю я уклончиво и не конкретно.

— Ну, вам виднее.

Похоже, она убеждена, что я лукавлю или что-то скрываю.

Марина Александровна берет с холодильника пульт от телевизора и находит канал, где я работаю. Зачем она это делает? Хочет таким образом угодить мне? Думает, мне это интересно? Или ожидает, что я обрушу на нее поток интереснейших комментариев? Раскрою всю подноготную эфира? Поведаю об интересных знакомствах? С экрана один из наших корреспондентов на Украине с наигранным воодушевлением на фоне каких-то плохо определяемых рассказывает о народном подъеме на Донбассе. Затем картинка меняется, и только что исключенный из Партии регионов депутат Рады Царев, здоровенный мальчик с детскими глазами, проклинает новые киевские власти, называя их нацистской хунтой

и душителями собственного народа. Марина Александровна тревожно хмурится и покачивает головой.

— Лариса спит еще? — Ее вопрос звучит весьма неожиданно. Украинский кризис взволновал ее совсем ненадолго.

— Сказала, что подремлет. А я побегу сейчас. Мне уже пора... Спасибо за завтрак.

Я решительно встаю из-за стола и ретируюсь в коридор. Сваренный для меня добавочный кофе так и остается на плите.

Перед тем как уйти, заглядываю в комнату Ларисы. Она, похоже, не спит, но хочет, чтобы я думал иначе. Эх, притвора!

Ее лицо повернуто ко мне. Светлые тонкие волосы касаются и ее щек, и примятой подушки. Крылья носа тонки, словно лепестки миниатюрной лилии. Губы припухлые и по-детски наивные. Подбородок чуть велик, на нем сходится движение лица — сходится гордо и независимо, заставляя окружающих предполагать характер неуступчивый и капризный. Она старается дышать как можно тише: боится выдать себя. Я ее разгадал, но пусть она остается в неведении. Это так мило... Хотя... Притворство женщину может далеко завести. Может быть, она притворяется не только в мелочах... Тьфу! Что это я? Не мои это мысли... Правда, время какое-то смутное... Апрель 2014-го... Двадцать четырнадцать, как теперь модно говорить...

* * *

Московский апрель еще не оторвался от проснувшейся земли и пока безнадежно тонул в лужах, которые приходилось обходить или перепрыгивать, чтобы

не промочить ноги. Достаточно одного солнечного дня, и все это засохнет, оставив на земле грязноватую сухую корку. В центре города это всегда почему-то происходит быстрее, чем на окраинах. словно солнечные лучи до городского захолустья добираются в последнюю очередь.

Лариса вместе с родителями обреталась как раз в таком захолустье, в Перове. Райончик этот, даже среди московских новостроек, выделялся особенной какой-то бесприютностью. Я, признаюсь, не трепетал от радости, когда мне доводилось перемещаться по нему пешком в темное время суток. Опасность потенциально исходила от каждого, кто попадался навстречу. Обругать или, что еще неприятней, врезать тебе тут совершенно безнаказанно мог любой, кому ты чем-то не понравился. Со мной, правда, такого никогда не случалось, но несколько раз я видел серьезные пьяные стычки, полные злобы и агрессии. Однажды я даже, преодолев страх, чуть не вступил в историю — так меня возмутило, что трое напали на одного, но как только я попытался урезонить хулиганов строгими окриками, они вдруг разбежались в разные стороны, бросив меня с несчастным, которого до этого мутузили. А вскоре появились полицейские, и мне пришлось потратить изрядное время, чтобы объяснить им произошедшее. Пострадавший же отказался писать заявление и поковылял куда-то, потирая поясницу и поругиваясь вполголоса. Никакой благодарности ко мне он, судя по всему, не испытывал.

Сейчас перовский ландшафт походил на проснувшегося после вечеринки человека, которому необходимо как можно скорее привести себя в порядок. Все было каким-то неряшливым, неухоженным, несчастным, алчущим лучшего и обретающим его. Проходя через двор